

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЮМОР – ЭТО СЕРЬЕЗНО

СТАЛИН ШУТИТ...

Редактор *О.И. Грейг*
Художественный редактор *Б.Б. Протопопов*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 8 (495) 617-0825, 8 (495) 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.07.2016. Формат 84x108^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Доп. тираж 1500 экз. Заказ

ISBN 978-5-906817-90-7

9 785906 817907 >

УДК 929(47+57)+821.161.1-7
ББК 63.3(2)6-8+94(2Рос=Рус)6-7
С76

Сталин шутит... / сост., предисл., коммент. и примеч.
С76 Лаврентия Гурджиева. – Изд. 3-е, перераб. – Москва :
Алгоритм, 2016. – 352 с. – (Юмор – это серьезно).

ISBN 978-5-906817-90-7

Сталин шутит... Современный читатель не привык к подобным выражениям. Он скорее настроен на противоположное: Сталин не шутит... Ведь многих буквально перекормили «ужасами сталинизма», доведя до абсолютного неведения о прошлом, до катастрофического непонимания настоящего и до патологической боязни будущего. Неведение, непонимание и боязнь относительно той роли, которую в жизни страны и в личной жизни вождя играли сатира и юмор, в равной степени свойственны оболваненным потребителям антисталинского телерадиопечатного варева. Между тем шутки Сталина могли нести серьезную философскую нагрузку либо просто являлись прекрасными образцами остроловия. Попытки издавать юмористическую сталинскую предпринимались не раз. Естественно, сталиниана делится на отрицательную и положительную. Если первая, как правило, представляет собой плод параноидальной ненависти к Сталину и результат застарелых фальсификаций, то вторая есть интересный, необычного ракурса взгляд на историю страны и мира. Книга, которую читатель держит в руках, принадлежит к произведениям именно с таким взглядом. Она является самым полным на сегодняшний день собранием окрашенных шуткой фактов, мифов, легенд о Сталине, а также просталинских анекдотов. В ней отражено практически все сатирико-юмористическое наследие вождя, как изустное, так и вышедшее из-под его пера и опубликованное. Официальные источники, откуда почерпнуты образцы юмора Сталина, являются преимущественно прижизненными публикациями. В них немало потрясающих неожиданностей. Тем более читателя ждут открытия в материалах, которые при живом Сталине не были, да и не могли быть напечатаны. Ведь многие из них, даже одобренные изрядным весельем, относились к разряду секретных и лишь спустя долгое время становятся достоянием гласности.

УДК 929(47+57)+821.161.1-7
ББК 63.3(2)6-8+94(2Рос=Рус)6-7

ISBN 978-5-906817-90-7

© Гурджиев Л., 2016
© ООО «Издательство Алгоритм», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма...»

Уинстон Черчилль

«Сталинская эпоха ушла в прошлое, осуждённая, оплёванная, окарикатуренная, но не понятая», – писал философ Александр Зиновьев, некогда убеждённый антисталинец, диссидент-антисоветчик со стажем. Многие переоценивший, особенно в результате горбачёвской перестройки и постперестроечных трагедий, он продолжал: «Сталинская эпоха была юностью советского общества, периодом превращения его в зрелый социальный организм. И хотя бы уже потому она заслуживает нечто большего, чем осуждение: она заслуживает понимания».

Понять и познать Сталина и сталинизм бывает и просто, и нелегко одновременно. Таково диалектическое свойство любого мало-мальски заметного явления в истории. Сталинский же период её не зря назван ЭПОХОЙ. То есть для её осмысления и извлечения соответствующих уроков требуется намного больше, как времени, так и умственных сил плюс основательный нравственный потенциал, чем для любого другого периода мировой истории. Эпоха была счастливой и трагической, цельной и противоречивой, но осталась уникальной и великой, пронизанной неизбывной мудростью и... искромётным юмором. Поэтому изучать её, дивиться ей будут многие поколения и долгие века.

А сегодня мы пока больше дивимся дремучему невежеству тех людей, которые убеждены, что наибольший вред нашей стране за всю историю нанесли не татаро-

монголы, не фашисты и даже не осточертевшие жидомасоны, а персонально И.В.Сталин. В результате, когда однажды по радио транслировалась викторина и был задан вопрос, кто продал Аляску американцам, некто на полном серьёзе ответил: Сталин продал.

Труднее всего понимать реальности сталинской эпохи тому, чьи мозги замусорены буржуазными агитками и дешёвыми антисталинскими сочинениями, в изобилии извергаемыми телевидением, радио, печатью. Пресловутая и лживая «свобода слова» – эта пародия и на свободу, и на слово, и на саму мысль – атомизировала массовое сознание. То есть разбила его на неспособные к осознанному интегрированию части. Особенно на Западе. Но и у нас для значительного количества людей история страны и мира остаётся неизвестной или малопонятной, а чувство юмора – атрофированным.

Юмор, смех – это интеллектуальная разгрузка и психологическая гигиена, это встряска для ума и тела, духовная подзарядка. Лишь в этом случае они побуждают ДУМАТЬ и ДЕЛАТЬ, стимулируют нравственное самосовершенствование и нетерпимость к социальным и биологическим извращениям. Этой функции лишена гогочущая пошлость жванецких и хазановых, «камеди клубов» и «наших раш». Она творит прямо противоположное: стимулирует бездумье, беззаботность, безделье, склоняет к терпимости по отношению к самым гадственным порокам бытия. Раскрепощение разума? Раскрепощение инстинктов...

Свобода – вещь достаточно серьёзная, как в философском, так и в практическом плане. Но попадаются профессионалы и любители от свободы, которые воспринимают и обращаются с этой норовистой лошадью так, как детишки с деревянной лошадкой на колёсиках. От них слышишь: «Но меня же в сталинском СССР могли посадить за анекдот о вожде. Нет, не надо мне такого режима, при котором за анекдот сажают...».¹

¹ Слово «анекдот» вошло в русский язык в конце XVIII – начале XIX вв. Так называли более или менее правдоподобную историю о каком-нибудь видном персонаже из прошлого или настоящего. Это придавало остроту и лёгкое изящество свет-

Известно ироническое выражение: не учите меня жить, лучше помогите материально. Учитывая, что на постсоветском пространстве организаторы платного плача по свободе обрели не только любимую игрушку, но и солидное финансовое положение, можно было бы надеяться услышать: в материальной помощи не нуждаюсь, лучше научите меня жить. Увы. Обожравшееся брюхо к науке глухо. Поэтому без всяких потуг на учительство просто довожу до тех, кто наслышан про анекдотобоязнь в эпоху товарища Сталина, аксиомы обществоведения.

Итак, не спеша загибаем пальцы.

Во-первых. Необходимо делать серьёзную поправку на время и обстоятельства. А знают ли просвещённые господа, что до войны во всех сопредельных государствах (кроме Монголии) царили фашистские или полуфашистские порядки? Прибавим сюда десятки стран поодаль, да сотню с гаком колоний. Тамошнее население шуточками по адресу правящих государственных мужей сильно не расслаблялось. Даже если речь шла о чиновниках провинциального масштаба. Помалкивало в тряпочку. И это мягко сказано.

Во-вторых. В мадемуазельно-марсельезной Франции поострить в винном погребке о власть предержавших, действительно, допускалось. Но попробовал бы кто-нибудь из подданных английской короны громко пройтись по адресу носителя этой короны, на-

ской беседе. К началу XX в. анекдот из аристократической среды перекочевал в мещанскую. Появились пошлость и плоский юмор. Некоторые представители русской знати стали считать рассказывание анекдотов дурным тоном. В сущности говоря, такой процесс шёл и в других странах. Тем не менее, аристократы «баловались» неизящной словесностью, да и народ полюбил анекдоты. Самые блестящие образцы жанра фактически построены на сюжетах из многовекового фольклорного богатства. Более того, многие из них, рождаясь в гуще народной, обретали некую воспитательную функцию, в них прибавилось философии. Как ни странно, но классификация анекдотов довольно сложная, даже путаная. В порядке упрощения я бы разделил их всего на два типа: полезные и мусорные. (Здесь и далее в сносках примечания мои. – Л.Г.)

ходясь в зоне досягаемости правоохранительных слуг их высочества. Да что там Англия. Никто из «всяких прочих шведов» (разного географического местоположения) не отважился прилюдно каламбурить по поводу своих августейших особ. Что же касается особ и вовсе ничтожных – лавочников, например, то шутнику та особа очень часто и очень просто была морду и выгоняла его с работы. Как самолично, так и при помощи полиции.

В-третьих. США – оплот свободы и демократии, а также колыбель анекдотов, зачатых соответствующей поправкой к конституции и рождённых разлитым масс-медийным морем. Правда, знакомо подобное суждение? Но его имеет обычно тот, кого вместо материнского молока вскормили кока-колой. Можете представить себе негра в южных штатах, который не то, что по адресу хозяина Белого Дома съязвил, а просто вздумал печатно либо устно пошутить над белым джентльменом или, упаси боже, белой леди? Шериф уже прятал бы в кобуру дымящийся кольт... Кто-то скажет, что всё это в прошлом, что сегодня в Белом Доме восседает чернокожий афроамериканец. Хм, так ведь и мы, сопоставляя нравы советские и североамериканские, говорим о прошлом – о сталинской эпохе, когда шерифский кольт дымился практически ежедневно. Кроме того, нынешний президент США Барак Хусейнович Обама-младший чернокожим является всего-то наполовину (с точки зрения расистов-европеоидов папа подкачал, с точки зрения расистов-негроидов мама подкачала). Хотя, между прочим, по маме он и вовсе происходит из самых что ни на есть «богоизбранных» белых...

В-четвёртых. Миллионам китайцев, индийцев, арабов, африканцев, находившимся в орбите мирового капитализма и умиравшим от голода и войн на протяжении большей части XX века, было, извините, не до юмора. Равно как миллионам крестьян Латинской Америки, на которых латифундисты могли охотиться с собаками, как на животных, и которых они во многих регионах ещё со времён испанского владычества отучили смеяться вообще. Полноразмерная улыбка

ка как тень надежды мелькнула на челе латиноамериканских бедняков лишь после событий 1917-го в далёкой России. А массово стала возвращаться к ним на волне революционного подъёма во второй половине прошлого столетия.

В-пятых. Горстку куцых территорий, где за политический юмор не били, не сажали, не расстреливали, нам хотят выдать за образец для подражания? Нам, находившимся в сталинскую эпоху в жесточайших клещах самых реакционных и самых могущественных внешних сил? Нам, без посторонней помощи выбиравшимся из разрухи и темноты к экономическому и культурному расцвету? Нам, которым пятая колонна всаживала нож в спину, а на рукоятке того ножа, как отпечатки пальцев, оставались анекдоты? Не слишком ли много риторических вопросов, включая последний?

В-шестых. Перебрасывая мостик в наши дни: с чего вы взяли, что в мире царит свобода слова и нет никакой цензуры? Я толкую не об «отсталом» поясе Азии, Африки и Латинской Америки с его многомиллиардным «лишним населением». Я имею в виду «передовой» Запад с его благословенным «золотым миллиардом». Желающих оседлать коня свободы и поржать вместе с ним здесь хоть отбавляй. Но, если перечислить законодательные запреты на «ржание», принятые в большинстве стран Европы, примкнувшего к ним Израиля и паханствующих над ними США, то не хватит всего предисловия к этой книге.

Завершая загибание пальцев, перейду от земной к вышней ситуации в области юмора. Вечной и неизменной. Кто-то где-то как-то сказал, претендуя, видимо, на божественное откровение, что свободы на этом свете нет, она есть лишь на том свете. Спешу разочаровать: её не просматривается и там. В самом деле, попробуйте-ка рассказать в раю анекдот со сквернословием. Архангелы вас мигом вышвырнут в ад. А в аду мало не покажется хулителю вельзевула. Черти донесут, и вариться заживо в кипящем котле – станет для смельчака не самым сильным наказанием.

Добро бы вся критиканствующая антисталинская публика с её двойными стандартами изучала и оценивала тему свободы научно и социально опосредовано. Она же смакует, попивая её, ну прямо как коктейль в баре – не более того. Ладно, согласилась эта публика, без анекдотов можно прожить. (Вот спасибо, мы не знали.) Однако невозможно, дескать, примириться с отсутствием других свобод в сталинском обществе. И тут она затронула вторую после анекдотов «большую» для неё тему.

Ещё раз напомню, что судит она обо всём, находясь в баре XXI века с коктейлем в руках, и в упор не видит ничего за пределами не то, что века, но даже отдельно взятого бара. Не ведает, что там, вне пространства и времени её обитания, большинство человечества мечтало и мечтает не о коктейле, а о куске хлеба.

Мне, да и, наверное, многим приходилось слышать от иного отечественного туриста, вернувшегося из поездки в Турцию или Испанию: «Разве мог я мечтать съездить туда при твоём Сталине? Так что не агитируй меня, не нужно мне твоего сталинизма с его закрытыми границами...»

Вот уже и на «ты» перешли. Хорошо. Опять загибаем пальцы.

Во-первых. Агитирует не сталинизм, а сама жизнь нашей расколотой на части державы, где огромное число людей не то, что за границу – в соседний город с трудом выбирается. Чаще по банальной, бытовой причине: нет денег, а транспорт дорог. Порой – по причине политической: визу не дали либо её хлопотно получить, ибо город-то уже закордонный, иностранный.

Во-вторых. С фашистскими и полуфашистскими государствами что-то неясно? С 20-х до 50-х годов прошлого века в Турции или в Испании с их авторитарными режимами тебя как гражданина СССР обычно поджидали не горячий донер-кебаб или прохладная мансанилья, а тюрьма.

В-третьих. Ты же просто не ведаешь, что на большей части Европы, да что там Европы – земного шара – были всего две-три страны с относительно свободным

въездом-выездом. Забыл, что Африка и Азия до шестидесятих годов стонали в колониальных кандалах и бдительные колонизаторы туда не всякого постороннего европейца пускали. Никто не рассказывал тебе, что в первой половине двадцатого века даже богатые «белые люди» не рисковали ездить на отдых в большинство стран Латинской Америки. (Догадайся сам – почему.) Словом, отпустил бы тебя Сталин на все четыре стороны и куда ты, бедолага, смог бы податься? Может, в Таиланд, где тебя, как «красного лазутчика», долго бы лупили по пяткам бамбуковыми палками в ближайшем полицейском участке?

В-четвёртых. Вернувшегося из Турции соотечественника однажды я спросил, что он видел в Стамбуле. Дело не в том, что он красочно описывал изобилие товаров в Капалы Чарши – на Крытом рынке Стамбула. Шоп-турист он и есть шоп-турист. Но каким же надо быть шопоголиком, чтобы не заметить, как в нескольких кварталах от того места, где он отоваривался, в это же самое время шли настоящие бои турецкой полиции с турецкими гражданами. С применением бронетехники и вертолётов. А уж вой сирен стоял – не приведи господь. Но вкусивший радостей шопинга не слышал ни воплей, ни сирен, ни выстрелов, не видел ни убитых, ни раненых.

В-пятых. Кладём не на мечтательные, а на конкретные, элементарные веса человеческой жизни базовые духовные и материальные ценности. На одну чашу – демагогически-липовую открытость границ при СПГовённых режимах с их унылыми и опоганивающими всё святое в людях рыночными отношениями. Добавляем сюда же шмат нездорового, сального, тухловатого юмора с гнилозубой сатирой. На другую чашу – богатейший набор социальных преимуществ сталинского режима. Кратко перечислим: бесплатное или крайне дешёвое жильё, такое же продовольственное обеспечение, образование, здравоохранение, разнообразный и доступный досуг и отдых, включая занятия спортом, а также не на словах, а на деле равенство и общественный порядок с их бескорыстием, энтузиазмом, дружбой и прочими высокоморальными

проявлениями отношений между людьми и народами. Добавляем сюда крутотелую, румянобокую и зубастую сатиру с прослойками здорового, сочного юмора.

Есть и в-шестых, и в седьмых... Но – довольноно.

О более «серьёзных» упрёках в адрес сталинской эпохи тоже промолчу. Иначе они нас далеко уведут от главной темы этой книги. Да и нового в них ничего нет. Упрекающие опять разводят бодягу насчёт «незаконных массовых репрессий» и прочую многократно опровергнутую трепотню. Обратим внимание лишь на то, как смешон тот или иной критик сталинизма, разгорячённый пропагандистским пойлом, поданным ему хоть с университетской кафедры, хоть из вечерней телепрограммы, хоть с деревенской завалянки...

И вот, что интересно. Несмотря на процессы глобализации, всё больше усиливаются непонимание, многочисленные антагонизмы внутри и вне обществ, разделённых по признакам социальной, национальной, религиозной и иной принадлежности. Даже юмор – уж на что, казалось бы, универсальное явление – стал приобретать всё более яркие черты не только культурного, но и классового раскола.

Взять те же самые байки по сталинской тематике. Одну и ту же историю сталинист и антисталинист воспринимают совершенно по-разному. То, что смешно для одного, вызывает негативные эмоции у другого и наоборот. То, что одни рассматривают в качестве, если не тормоза, то вспомогательного движка, другие рассматривают в качестве, если не главного двигателя в целом, то его основы.

Вульгарная социология приписывает анекдотам чуть ли не решающую роль в политической и других сферах жизни. Пытается усмотреть в них основополагающие инструменты изменения общественного сознания. Считает, например, что обилие анекдотов о Сталине суть свидетельство сопротивления режиму вчера, неприятия сталинизма сегодня, недопущения его завтра.

Это, безусловно, ерунда. Первое лицо государства везде автоматически становится главным героем современных ему анекдотов, рассказывают ли их гром-

ко или передают шёпотом. Если о нём и после смерти продолжают возникать анекдоты, то это признак незаурядных или даже выдающихся качеств его личности. Пример навскидку: анекдоты о Брежневеве отходят в прошлое, о Сталине – множатся.

Всегда есть общественные движения, сплочённые на базе того или иного манифеста, даже плохого и косноязычного. Не было и не будет движений, сплотившихся на базе шедевров анекдотного жанра. Анекдот – незначительная частица культурной надстройки и к экономическому базису имеет подчинённое отношение. Ну, а то, что частица сия популярна настолько, что может быстро облететь весь мир, является вполне закономерным явлением в свете ускорения темпов жизни, развития коммуникаций и более тесного общения людей.

Расширение и углубление общения, однако, не есть признак единомыслия. В десталинизированном, а по большому счёту в любом капиталистическом обществе разница между людьми, особенно между богатыми и бедными, между сторонниками западной либо восточной цивилизационной ориентации непрерывно увеличивается. И если кто-нибудь думает, что дело касается только экономических систем и традиционных бытовых укладов, эфемерных идей и виртуальных идеологических конструкций, то он жестоко ошибается. Прежде всего, ошибается в понимании идеологии, как сферы, где перекрещиваются, то одерживая верх друг над другом, то сливаясь, то взаимоуничтожаясь, духовные и материальные составляющие жизни. При этом идеологическая кройка и шитьё в обязательном порядке имеет швы и строчки из юмора.

Идеология... Если коротко, то это есть система взглядов, ценностей, норм, воспринятых организацией, слоем, классом или всем обществом, с определением, как путей развития этих взглядов, так и целей, способов, рычагов их распространения и защиты. В прошлом идеологию частенько называли ложным сознанием. Да и сейчас примеров её ложности не счесть. Однако в стране победившего социализма – в ленинско-сталинском СССР, в других странах, последовав-

ших советскому примеру, в огромном числе большевизированных политических организаций мира идеология обрела подлинно научный характер. Там она сливалась с образом жизни её адептов, каковой формировался в лучших народных традициях.

Идеология суть ОБЩЕЕ дело её носителей. Не по формальному, а по истинному служению этому делу. Только тогда она динамична и перспективна. Тогда она в каком-то смысле даже мистически подвигает людей на преодоление невероятных трудностей и невероятно впечатляющее созидание. В послесталинской державе объявленное дело – строительство коммунизма – всё меньше являлось общим. Соответственно идеология постепенно теряла и динамичность, и перспективность, и мистику свершений.

По мнению серьёзных и компетентных учёных «идеология не сможет оказаться эффективной и консолидировать раздираемое противоречиями общество, если не предложит некую структурирующую мегаматрицу, не даст некое стратегическое направление такой структуризации». Сказано сложно, но верно.

Остаётся присовокупить, что её сила сосредоточена не только во властных и общественных структурах, но и в способности к творческому обобщению новых социальных явлений. Как это ни покажется кому-то странным, но исторический анекдот едва ли не самый гибкий инструмент таких обобщений. Я не хочу сказать, что, если мы не будем придумывать анекдоты, не научимся воспринимать остроту слова с той же энергией, что и остроту некой ситуации, то общество не сможет мобилизоваться, модернизироваться, прогрессировать. Однако сатира – это действительно грозовой разряд в ставшей душноватой атмосфере, это вихрь свежести и обновления.

Сфера идеологии окутывает жизнь социальную в точности, как земная атмосфера окутывает жизнь природную. Земная атмосфера может быть чистой и оздоравливающей, грязной и отравляющей. Она проникает в тело и бедняка, и богача, и дай-то бог, чтобы всюду и всегда была полезной, лечащей. Так обстоит и с идеологией. Она прямо либо косвенно проникает и в бед-

няка, и в богача. Во всё – в разум, душу, тело. Она – в полизначности бытия. Она проявляется, живёт даже в таких, вроде бы независимых от неё областях, как отношение к сексу или к музыке, как «невинное» производство детских игрушек, во множестве других.

Хорошо подмечено одним западным исследователем: даже просто насвистывая мелодию, человек проходит стадию политического обращения, ритуал социализации. Буржуазные идеологи не скрывают, что, например, посредством куклы «Барби» пропагандируют североамериканский образ жизни. Относительно же секса...

Курам на смех, скажет кто-нибудь, узнав, что в новой книге о Сталине и сталинизме, которую я готовлю к печати, уделено достаточно места для разговора о сексе с политической точки зрения. Советую, однако, не спешить с выводами. Читатель, конечно, имеет право рассматривать это упоминание в качестве ловкой авторской рекламы. А я имею право не разочаровывать любителей ядрёной шутки и такого же смеха, и заявить: оказывается, таки-да, сталинизм – удивительно глубокий, многосодержательный феномен, вбирающий в себя даже столь интимную сторону бытия.

Не будем, однако, отвлекаться.

Не только сатира, но и обычный юмор доверху наполнены идеологической начинкой. Сегодня, когда орава отечественных юмористов потчует нас в основном беззубой развлекаловкой, необычайно выглядят многие шутки эпохи Сталина, которые несут основательную философскую нагрузку.

При этом хотелось бы отметить одну из приятных особенностей той эпохи. Рождавшиеся стихийно в народе анекдоты, где одним из персонажей выступал Сталин, в целом возвеличивали вождя. Вождь выступал в них обычно не как третируемое, а как третирующее начало. Сугубо отрицательно он выглядел лишь в анекдотах, которые сотворялись «высоколобыми» антисоветскими интеллектуалами, еврейскими по преимуществу. Укоренившийся в народе позитивный сталинский образ злил их и вызывал желание затмить его мутным валом очернительских баек, для ко-

торых сюжеты брались отовсюду, откуда можно, даже из старинных антологий.

Они порой сами говорили о своём «творчестве», с удивлением констатируя (почти цитата):

Анекдоты о Ленине получаются злобные, но с уважением. Анекдоты о Сталине получаются очень злобные, но с очень большим уважением.

Зато анекдоты о Хрущёве получались у всех смешные и незлобные, о Брежневеве – и несмешные и незлобные, а о Горбачёве – совсем не получались и редко получаются, если к ним не приладить сталинский и околосталинский фон. Непостижимым является также то, что сталинская шутка сплошь и рядом представляет собой совсем не шуточный феномен. Врагов от неё охватывал и охватывает нервный смех. Друзья, от души повеселившись, становились и становятся подтянутыми и серьёзными.

В своё время распространителей искусственных, порочащих Сталина и советскую действительность баек совершенно справедливо наказывали. Нарушение свободы слова и демократии в этом усматривают лишь те, кто ненавидели Сталина, Советский Союз, социалистический строй, с презрением относясь к нашему прошлому, цинично – к настоящему и с нескрываемой фанатерией – к будущему. Злопыхатели этого сорта всегда любили вкусно есть и сладко пить и никогда не любили работать. Сталин заставил их взять кайло в руки и присмиреть. Ругательный анекдот о Сталине маленько тоже помог стране осваивать районы крайнего Севера, а наиболее несознательным – осваивать новые, полезные профессии – лесоруба, землекопа и т.д.

Поэтому очень вероятно, что нижеследующее шутовое и одновременно злое отношение выразил не антисталинист, а тот, кто, напротив, был предан вождю:

«Конкурс анекдотов о Сталине. Первая премия – 25 лет. Две вторые – по 15 лет. Три поощрительные – по 10 лет». Есть и дополнение к конкурсным условиям. По сюжету сей выдумки на тот свет был послан перечень условий конкурса. Ознакомившись с ним,

вождь лично вписал: «Учредить также главный приз: досрочную встречу с товарищем Сталиным».

Сталинисты двумя руками за проведение конкурса, подразумевая, что участниками будут выступать исключительно хулители вождя. Антисталинисты скрежещут зубами...

Всё так. Имя этой личности настолько слилось с понятиями советской Родины и советского народа, что её осмеяние автоматически означало осмеяние каждого советского человека, всего советского вообще, в том числе вещей лично дорогих многим людям. А это было покушением на свободу и демократию подавляющего большинства населения, среди которого противоестественные антисталинские анекдоты не приживались.

Данный факт невозможно соотносить с анекдотами о Хрущёве или Брежневеве, сплошь язвительными и ругательными. Культы этих руководителей были огромны, но сами-то руководители были мелки. Руководители страны так отделились от народа, что их высмеивание как бы само просилось на язык и, похоже, даже их самих оно не особенно волновало. Бессмысленность наказания стал очевидна высокому начальству и это одна из причин, почему за политический анекдот больше не преследовали.

Итак, анекдоты антисталинского содержания большинством народа при жизни вождя воспринимались как святотатство и, разумеется, были опасны для распространителей. Как бы это кого-то не удручало, но после смерти Сталина анекдоты о лидерах СССР воспринимались как абсолютно безопасный фольклор, не более того. Люди соревновались – кто знает анекдот посмешнее. Причём, если количество баек об умерших или отставленных от должности лидерах всегда шло на спад, то антисталинский стёб подозрительно ширился. В чём дело?

Дело в хорошо спланированной, организуемой, направляемой и тщательно координируемой ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ, шедшей изнутри и извне.

С середины 1950-х годов берёт начало так называемая оттепель, вылившаяся в настоящую мировоз-